

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

А. А. ТУРИЛОВ

МЕЖСЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

И

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СЛАВЯН

ЭТЮДЫ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

УДК 94(100)
ББК 63.3(2)41
Т 86

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РНФ)
проект № 11-04-16013

Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения РАН

Отв. редактор:
д. ист. н. С. А. Иванов

Рецензенты:
д. филол. н. Н. Н. Запольская,
к. ист. н. А. В. Лаврентьев

Турилов А. А.

Т 86 Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. — М.: Знак, 2012. — 808 с.

ISBN 978-5-9551-0497-3

Книга представляет собой комплексное исследование по истории средневековой культуры православных славянских стран, связанных общностью книжно-письменной традиции, восходящей к эпохе Кирилла и Мефодия. В работах, входящих в том, на большом фактическом материале рассматривается судьба кирилло-мефодиевского наследия в разных странах и регионах славянского мира с X по XVI в., ее общие черты, специфика и закономерности трансформации. Особое внимание уделено в книге межславянским культурным связям, их причинам, ходу и механизмам осуществления в периоды сближения национально-региональных традиций на рубеже XII—XIII («первое восточнославянское влияние») и в XIV—XV вв. («второе южнославянское влияние»). Наряду с этим большое место в томе занимают и сюжеты, связанные с книжной «повседневностью» — реконструкцией разрозненных южнославянских кодексов, работой книгописцев и скрипториев. Исследования сопровождаются публикацией ряда уникальных и редких литературных текстов IX—XVI вв.

Издание представляет интерес для широкого круга историков, лингвистов, литературоведов и богословов.

ББК 63.3(2)41

*На переплете: Перенесение мощей св. Климента Римского.
Деталь миниатюры Менология императора Василия II (XI в.)*

ISBN 978-5-9551-0497-3

© А. А. Турилов, 2012
© Знак, оригинал-макет, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

*Светлой памяти
Ольги Александровны Князевской
(1920—2011)*

СОДЕРЖАНИЕ

І. Судьбы кирилло-мефодиевского наследия в национально-региональных традициях и древнейшие межславянские культурные связи

К изучению южнославянской рукописной традиции «Прогласа Константина Философа»	11
К истории великоморавского наследия в литературах южных и восточных славян (Слово «О похвале Богородице Кирилла Философа» в рукописной традиции XV—XVII вв.)	21
Addenda et corrigenda	40
«Моравские земле велеи гражданн» (Неизвестная древняя служба первоучителю Мефодию)	47
Addenda et corrigenda	71
Неизвестный памятник древнейшей славянской гимнографии (Канон Климента Охридского на Успение Богородицы)	73
К определению объема творческого наследия учеников Кирилла и Мефодия в составе славянского Требника (Предварительные наблюдения над южнославянской рукописной и старопечатной традицией)	89
Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в. (К вопросу формирования болгарского варианта церковного месяцеслова в эпоху Первого царства)	103
После Климента и Наума (славянская письменность на территории Охридской архиепископии в X — первой половине XIII в.)	126
Судьба древнейших славянских литературных памятников в средневековых национально-региональных традициях	166
Роль сербской традиции в сохранении древнейших памятников славянской литературы	182

Древнерусская культура в контексте средневековых славянских (на материале книжности)	192
Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV—XVI вв. (заметки к оценке явления)	199
К уточнению объема и состава древнейшего славянского оригинального гимнографического корпуса в древнерусской традиции (на материале минейных служб)	220

**II. Культурные связи Руси с южными славянами в XII—XIII вв.:
«Первое восточнославянское влияние»**

Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII—XIV вв. (проблемы и перспективы изучения)	239
Из истории русско-южнославянских книжных связей XII—XIII вв.: новое и забытое	262
«Поучение Моисея» и сборник игумена Спиридона (новгородский памятник XII в. в контексте русско-южнославянских связей)	286

**III. Книжность и книжная культура Болгарии и Сербии
в XIII — начале XVII в.**

а) Болгария

Болгарские книжники раннего XIV в. между Тырновом, Святой горой и Святой Землей (по следам забытых и новейших атрибуций)	307
К истории тырновского «царского» скриптория XIV в.	316
Заметки о тырновских «обыденных» рукописях и книгописцах первой половины — середины XIV в.	337
К реконструкции комплекта пергаменных тырновских служебных Миней второй четверти — середины XIV в.	343
Неизвестный памятник греко-латинской полемики XIII в. в болгарской рукописи XIV в. (отрывки сочинения Иоанна Грассо о собеседовании Николая-Нектария Отрантского с Римским Папой) . . .	351

б) Сербия

Какие «многие законные книги» переписал в 1219 г. св. Савва Сербский? . . .	362
Милешевский Панегирик и Гомилиарий Михановича — к датировке и происхождению двух древнейших сербских списков Торжественника общего.	367
К отождествлению частей некоторых фрагментированных сербских рукописей конца XIII — XIV в.	378
Сербские отрывки XIII—XIV вв. в собрании Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне.	406
Из какого евангельского кодекса происходит послесловие анагноста Радина?	423
Заметки о сербских грамотах XIV—XV вв., написанных книжным письмом: проблемы писцов, подлинности и датировки актов (из предварительных наблюдений).	431
Последний отголосок идеи «Царства Сербов и Греков» (градозданная надпись Вука Бранковича 1378—1379 гг.)	449
Когда король Марко менялся женами? (к датировке сербской Минеи праздничной из собрания А. И. Хлудова (ГИМ), № 164).	465
Ранний славянский список календарных эпиграмм Николая Калликла («Птохопродрома»): к вопросу о времени перевода	471
Кому «единоименен» Раннокисум? (Глоссы как элемент первоначального замысла и оформления текста Жития деспота Стефана Константина Костенецкого)	478
Кичевский сборник с «Болгарской апокрифической летописью» (Датировка, состав и история рукописи)	485

IV. «ВТОРОЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ» И РУССКАЯ КУЛЬТУРА XIV—XVI ВВ.

Восточнославянская книжная культура конца XIV — XV в. и «второе южнославянское влияние»	519
Южнославянские переводы XIV—XV вв. и корпус переводных текстов на Руси (К 110-летию выхода в свет труда А. И. Соболевского).	556
К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей XV — начала XVI в.	584
Addenda et corrigenda	592

К вопросу о сербском компоненте во «втором южнославянском влиянии» . . .	596
О времени и месте создания пергаменного «Евангелия Мемнона-книгописца»	612
К истории Стишного пролога на Руси в XIV—XV вв.	640
Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV—XVI вв.	648
Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — первой половины XVI в.: парадоксы истории и географии культурных связей	670
К вопросу о болгарских источниках Русского Хронографа	704
«Гарун-ар-Рашидовский» сюжет в славянских литературах XV—XVI вв. (сербский деспот Стефан Лазаревич и великий князь Московский Иван Калита)	709
О литературном источнике сюжетов группы клейм иконы Параскевы-Пятницы XVI в. из собрания Государственной Третьяковской галереи	714
Рассказы о чудотворных иконах монастыря Хиландарь в русской записи XVI в.	718
<i>Библиографическая справка</i>	<i>756</i>
<i>Указатель шифров рукописей, упоминаемых в издании</i>	<i>761</i>
<i>Именной указатель</i>	<i>779</i>

I

СУДЬБЫ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОГО НАСЛЕДИЯ В НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ И ДРЕВНЕЙШИЕ МЕЖСЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

К ИЗУЧЕНИЮ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ «ПРОГЛАСА КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА»

Любое издание текста древнего памятника практически неизбежно означает (одновременно с большей доступностью для круга исследователей и пользователей) его отрыв от рукописной традиции, относительно большее приближение к эпохе создания текста и в то же время отстранение от эпохи и условий бытования в конкретных кодексах. Последнее, разумеется, играет существенно меньшую роль по сравнению с первым (и разница между ними тем более значительна, чем древнее текст и моложе его списки), однако имеет определенное значение как источник дополнительной информации, в особенности в тех случаях, когда памятник сохранился в относительно малом количестве списков. Кроме того, уже в силу совершенствования и усложнения способов датировки и локализации рукописей (и прежде всего за счет идентификации почерков) за более чем полтора столетия существования славянской палеографии и кодикологии как самостоятельных дисциплин, несомненно полезным может оказаться обращение к рукописной традиции на новом уровне знания.

«Проглас» известен в трех пергаменных списках, представляющих предисловие к рукописям Евангелия тетр сербского извода (Афон, Хиландарь, № 23, кон. XIII — нач. XIV в.; Москва, ГИМ, собр. А. И. Хлудова, № 13; Санкт-Петербург, РНБ, собр. А. Ф. Гильфердинга, № 2 — обе XIV в.) и в бумажном русском XVI в. в составе сборника «Златая Цепь». Вероятность находки новых южнославянских пергаменных списков памятника в настоящее время близка к нулю, возможность обнаружения бумажных (в первую очередь восточнославянских) XVI—XVII (и даже XV) вв., напротив, в принципе не исключена.

Впервые существование памятника было засвидетельствовано в конце 1844 г. В. И. Григоровичем на Афоне, однако этому обстоятельству, насколько могу судить¹, ни в тот момент, ни позднее, никто не придал значения, включая парадоксальным образом (во всяком случае, на первых порах) и самого первооткрывателя. Работая 11—16 ноября 1844 г. с рукописями келлии (типикарницы) св. Саввы в Карее, он сделал в перечне наиболее примечательных с его точки зрения памятников следующую помету (отметив предварительно, что языковой извод всех кодексов сербский): «4. Евангелие, 4°, пр[остой] б[умаги]. Здесь вместо предисловия Константина философа слово»². Какие-либо комментарии по этому поводу и здесь и далее отсутствуют, из чего, по всей вероятности, можно заключить, что исследователь не счел возможным отождествить автора «Прогласа» со славянским первоучителем³. Вопрос о рукописи, в которой В. И. Григорович обнаружил «Проглас», представляет известную сложность. Судя по приведенной выше характеристике

(«простая бумага» — не «бомбицина»), она должна датироваться не ранее XV в. Подобный кодекс отсутствует как в современных рукописных собраниях Афона⁴, так и в исследовательских коллекциях, связанных происхождением со Св. Горой (собрания А. Михановича, Григоровича, еп. Порфирия (Успенского), архим. Антонина (Капустина), П. И. Севастьянова, А. А. Дмитриевского). Поскольку «Проглас» составляет несомненно главную с научной точки зрения достопримечательность данной рукописи, следовало бы думать, что это Евангелие погибло после середины 1840-х гг. либо лишилось своих начальных листов. Более вероятно, однако, что речь идет о современной рукописи Хиландарь, № 23 («Бунилово Евангелие»), о которой достоверно известно, что она происходит из Карейской келии св. Саввы⁵, а в заметки В. И. Григоровича на каком-то этапе вкралась ошибка («пр. б.» вместо: «перг.»), вполне объяснимая высоким темпом и напряженностью работы⁶. Остальные (весьма ограниченные) сведения о рукописи не противоречат такому отождествлению — определение формата в 4° Григорович прилагает и к Милутинову Евангелию 1316 г., которое даже больше по размеру (305 × 245 мм), чем Бунилово (293 × 220 мм), положение «Прогласа» в кодексе и заглавие соответствуют Хил. 23.

Известные в настоящее время сербские списки «Прогласа» введены в научный оборот в конце 1850-х — начале 1870-х гг., т. е. в ту пору, когда южнославянская кириллическая палеография как дисциплина находилась в периоде становления и вопросы локализации и относительно узкой датировки рукописей попросту не поднимались. Позднее — вплоть до самого последнего времени — эти рукописи (кроме хиландарской) кодикологически и палеографически не изучались (а монографическое их исследование отсутствует и по сей день).

Хиландарский список в составе «Бунилова Евангелия»⁷ выглядит среди остальных самым исследованным в отношении своей истории, но это — к сожалению — заблуждение. Последние 30 лет кодекс принято датировать третьей четвертью XIII в.⁸ (с уточнением: «ближе к 1280-м гг.»)³ и считать созданным «где-то в Сербии»⁴. Аргументы в пользу такой датировки не приводились, но их с большой степенью вероятности можно реконструировать. Очевидно, исследователь счел, что основной почерк⁹ кодекса, с короткими «хвостами» букв З, У, Ц, Щ, занимает промежуточное положение между почерками второй четверти XIII в. (такими как письмо нескольких писцов Братковой Минеи 1236—1242 гг.¹⁰ или Хиландарского Евангелия тетр № 22¹³) и точно датированных памятников 1270—1280-х гг. (Апостол 1277 г. (РГБ, Григ. 15/1), Евангелие тетр ок. 1284 г. (РНБ, Гильф. 1), Учительное Евангелие 1286 г. — там же, № 32)¹⁴. На вероятную связь кодекса с каким-то значительным сербским книгописным центром указывает (помимо, естественно, орфографии) вписанный на л. 242 особым почерком частный акт — обязательство попа Георгия (ошибочно охарактеризованное Д. Богдановичем из-за написанного в XIV в. (см. ниже) заглавия как молитва) перед рукоположившим его в священство Хвостненским епископом Иосифом (по другим источникам неизвестен)¹⁵. Однако ряд сведений, сообщаемых Д. Богдановичем, нуждается в существенной корректировке. Так, он считал, что дяк Бунило, оставивший свою запись в нижней части л. 209, является (по крайней мере частично — «бар и делимично») писцом кодекса,

отождествляя почерк приписки с письмом рукописи («само ситнијим дуктусом, него основни текст») ¹⁶. Запись Бунила (не имеющая фотовоспроизведения) ¹⁷ при внимательном прочтении порождает ряд вопросов. Привожу ее в упрощенной орфографии: «Коньць Богословцу и еуангелию 11 вьскрьсному. Раб Христов дяк Бунило написах синаксарь речью господина митрополита Дамяна. Да аше что и прегрешено — пращайте, а не кльните, ере не ¹⁸ писан типик едьнга ¹⁹, нь се после приписан, да гледай добре». Из записи явно следует, что Бунило написал не всю рукопись, а «приписал» к уже готовому кодексу («после») некий «синаксарь» или «типик». И этот «синаксарь» («типик») по логике вещей не может быть отождествлен с месяцесловом или указателем чтений триодного цикла, поскольку запись об окончании работы над ним предшествует в кодексе месяцеслову (соответственно, л. 209 и 209 об.). Не придав должного значения Д. Богданович и митрополичьему сану заказчика, между тем этот архиерейский титул получает в сербской Церкви распространение только с учреждением патриаршества (1346) ²⁰ и поэтому служит важным датирующим признаком (к сожалению, имя Дамиана по другим источникам неизвестно). При обращении к микрофильму «Бунилова Евангелия» ²¹, находящемуся в Археографическом отделении НБС в Белграде ²², выясняется следующее. Текст, предшествующий записи Бунила (окончание Евангелия от Иоанна) и следующий за ней (месяцеслов) написан одним почерком, несомненно отличным от почерка приписки. Эта разница заключается не только в заметных полууставных элементах (например, высокое Т), присутствующих в письме последней и, в принципе, не являющихся препятствием для отождествления. Писец приписки (дяк Бунило) употребляет начертания ряда букв, отсутствующие в письме собственно Евангелия — широкие варианты Е и О (последнее — со штришком-«засечкой» в плоском основании буквы), З с хвостом в форме пологой дуги разной длины (порой очень короткой), Р с достаточно длинным и толстым, почти вертикальным, хвостом, достаточно широкое У, по начертанию представляющее соединение С и узкой «стигмы». Почерк Бунила — в полном соответствии с содержанием его записи — в основной части кодекса отсутствует. Им выполнены исключительно литургические указания на полях рукописи ²³ (имевшей до этого только разбивку на «аммониевы главы»), отмечающие приуроченность чтений к дням минейного и триодного циклов церковного календаря. Это объясняет одновременно и значение, которое Бунило вкладывал в понятия «синаксарь» и «типик» ²⁴, и кажущуюся скромность его самооценки как писца. Графические особенности почерка Бунила (в особенности употребление широкого Е и широкого (не «очного») О) не соответствуют традиционной датировке кодекса, но вполне согласуются с упоминанием в записи митрополита (не ранее середины 1340-х гг.) ²⁵. Таким образом, дяк Бунило должен быть безусловно исключен из числа сербских книгописцев XIII в., следы его деятельности нужно искать в рукописях второй — третьей четвертей XIV столетия.

Над основной же частью рукописи работали два писца. Первый отождествляется с попом Георгием, написавшим на л. 242—242 об. обязательство хвостненскому епископу ²⁶. Им, помимо этого, написаны два небольших текста вспомогательного характера — разрешительная молитва на л. 1—1 об. и указатель воскресных

Евангелий и апостольских чтений на л. 241—241 об. С большой степенью вероятности с этим Георгием может быть отождествлен также писец первого экземпляра грамоты краля Милутина хиландарскому пиргу Хрусия с подтверждением архиепископа Саввы III (Архив Хиландаря, 139/141), датируемой предположительно концом 1313 г.²⁷ или 1313—1316 гг.²⁸ Это обстоятельство заставляет датировать кодекс Хиланд. 23 концом XIII — первой четвертью XIV в. и рассматривать его в кругу памятников сербского книгописания эпохи Милутина²⁹.

Новая датировка получает полное подтверждение при обращении к почерку основного писца «Бунилова Евангелия» (как теперь уже ясно — не Бунила), переписавшего кодекс почти целиком, в том числе и «Проглас». Он заметно варьируется на протяжении рукописи по степени аккуратности, но на наиболее каллиграфических страницах (например, в начале Евангелия от Матфея — л. 11) уверенно может быть отождествлен с письмом дьяка Георгия Радослава³⁰, одного из самых искусных и продуктивных книгописцев и нотариев эпохи Милутина³¹, переписавшего, в частности, Евангелие 1316 г., вложенное этим королем в Карейскую келию на Афоне (Хиландарь, № 1), и грамоту монастырю Св. Стефана в Баньской.

Таким образом ранняя история кодекса (до его поступления в Хиландарь) заметно обогащается, хотя и ограничивается «снизу» рубежом XIII—XIV вв. Судя по уровню исполнения заказ был явно не королевским и не архиепископским — писец в данном случае не особенно утруждал себя. Вероятным местом написания Евангелия могла быть Хвостненская епархия (судя по упоминавшемуся обязательству на л. 242) или Печский монастырь Апостолов³². Позднее кодекс находился в неустановленном епархиальном центре, где около середины XIV в. митрополит Дамиан поручил дьяку Бунилу (вероятно, епархиальному нотарию) снабдить его литургическими указаниями.

В принципиально новом свете предстало в последние годы перед исследователями и Евангелие ГИМ, Хлуд. 13, содержащее, как теперь можно сказать с уверенностью, практически современный хиландарскому список «Прогласа». В конце 1990 — начале 2000-х гг. в свет вышли два описания кодекса³³, хотя и не исчерпывающие, но существенно более подробные (в особенности второе), чем кратчайшие сведения, идущие от А. Н. Попова³⁴. В настоящее время можно считать вполне установленным, что Евангелие Хлуд. 13 было приобретено А. Ф. Гильфердингом во время путешествия 1868 г. в Слепенском монастыре Иоанна Предтечи³⁵. Именно здесь, за три года до поездки в Болгарию и Македонию председателя Петербургского отделения российского Славянского комитета, кодекс видел в 1865 г. архимандрит Антонин (Капустин), особое внимание которого привлекла запись 1457 г. о смерти юного венгерского короля Владислава Постума, сына Альбрехта Габсбурга, на обороте листа 82³⁶. В довершение всего автору этих строк недавно неожиданно удалось установить время и место написания этой рукописи. Оказалось, что из нее происходит хорошо известный в литературе лист с пространном послесловием писца — анагоста Радина³⁷, хранящийся в собрании В. И. Григоровича в РГБ (ф. 87, № 12. II / М. 1694. II)³⁸ и имеющий помету владельца о происхождении из Слепенского монастыря³⁹. Благодаря этому отождествлению информация о хлудовском списке «Прогласа» становится редкостью подробной.

Рукопись написана между серединой 1308 и серединой 1311 гг. (но явно ближе к первой дате)⁴⁰ анагностом Радином «Нагоричанином» (из Нагоричина к северо-востоку от Скопье) в Сушице для безымянного «попа загоранина» в то время, когда Милутин расторг мир («размирился») с греками⁴¹. Место создания хлудовского кодекса объясняет его отличия в письме и оформлении⁴² от облика классических сербских рукописей эпохи Милутина, к которой он относится⁴³. Место создания хлудовского Евангелия с «Прогласом» в начале XIV в. и место его пребывания в середине XIX в. (Слепченский монастырь) свидетельствуют как будто в пользу того, что за пять с лишним веков своей истории кодекс мигрировал сравнительно мало — с северо-востока Македонии на юго-запад. Есть, однако, данные, что судьба его была отнюдь не столь простой. В записи на обороте листа 82 о смерти в 1457 г. короля Владислава использован счет лет от Рождества Христова с обозначением 1000 через Ч (в соответствии с глаголической традицией)⁴⁴, а на л. 12 и 152 читаются короткие приписки глаголицей⁴⁵, близкой по начертаниям к хорватской (СК XIV: 368—369). Это заставляет думать, что либо кодекс находился какое-то время (не позднее середины XV в.) в Далмации или Боснии, для которых характерно летосчисление от РХ и тесная связь с глаголической традицией, либо (что более вероятно) запись 1457 г. сделана в Македонии выходцем из тех мест.

Существенно меньше нового в настоящее время можно сказать о третьем сербском евангельском кодексе («Печском»), содержащем «Проглас» (РНБ, Гильф. 2), который оказывается самым младшим. В СК XIV (№ 258) рукопись датирована первой половиной (с уточнением: «начало»?) XIV в., однако и по письму⁴⁶ и по развитой системе надстрочных знаков ее следует относить скорее ко второй четверти — середине этого столетия⁴⁷.

По формальным признакам Хиландарский и Печский кодексы обнаруживают близость между собой, заметно отличаясь от Хлудовского. В обоих отсутствуют предисловия к евангелиям⁴⁸, тогда как в Хлуд. 13 они именуется «житиями» и имеются перед текстом каждого евангелиста, не считая общего в начале книги⁴⁹. Печскую рукопись роднит с хиландарской еще одна характерная особенность — необычайно развернутая и торжественная⁵⁰ память Саввы Сербского в месяцеслове (в Гильф. 2 она находится на л. 255; разночтений списки не обнаруживают); в хлудовской рукописи эта память вообще не представлена.

В известном смысле небезынтересен для истории рукописной традиции «Прогласа» тот факт, что все списки Четвероевангелия, в которых он помещен, имеют в месяцеслове памяти русских святых: в Хил. 23⁵¹ и Гильф. 2 это Борис и Глеб под 24 июля, в Хлуд. 13, кроме того, Феодосий Печерский (3 мая). Это, разумеется, не означает, что эти рукописи восходят к восточнославянским оригиналам (хотя, насколько знаю, на предмет следов русизмов в орфографии их никто не проверял) и тем более едва ли предполагает промежуточный древнерусский список для сербской традиции «Прогласа». Памяти русских святых в месяцесловах южнославянских Евангелий и Апостолов XIII—XIV вв. явление слишком массовое (и в то же время неоднородное), чтобы предполагать подобное однозначное объяснение⁵². Однако этот факт несомненно свидетельствует, что существующие списки Евангелия с «Прогласом» отражают промежуточные